

№ 1

Сурова
Дмитрия
894 мовия

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____
_____ школы _____

Детр Увоновиз - переметчик, в
Томской уезде у г. Тогрочна и
Кузнецкого края

Очень давко (лет 10) тому собиралась
написать о нашем житье-
и-бытье, о прошлом, нашего многожен-
ного рода, у старших, но увы, все они
умли и мы ничего не знаем о наших
дедах и прадедах, в общем, без корней.
Есть одна версия о дедушке Максиме Мар-
келовиче, но достоверна ли она. Вроде
бы его мать за ослушание барыни
выслана в Сибирь с двумя детьми -
одни-нам дедушка и дочь Долка
Маркеловна жила в с. Калтай в
маленькой избушке и очень тла (на
что?)

Было у нашего дедушки 5 сыновей
и 3 дочери. Бабушка (Агавья Сокалова)
умела справителько сполодая. Видно,
когда сыновья нашими росли и хоз-
во и дотаток. Запрыгалось до 30 ле-
тодей, я мизим, как в то время
возмывалось. Началась мировая война
много лошадок ушло и с ними сыновья
попали в эту изорубку, но возврати-
лись все живыми, невредимы. Мой
отец - Сизов Борис Моисимович
поех. 1880 г. был человек очень хозый
свободный, работный (сейчас так
уже не работают) гордый, незави-

сильный пеньюизм, такой хозяин, о ка-
ких сейчас говорят в нашем гос-ве
Дедушка умер в 1921? (в время
эпидемии тифа), мой отец остался
за старшего (он был первенец) семья
состояла из 30 человек. Попельному
покал отделить жевать, один
сын умер в возрасте 18 лет, другой
где-то около 30 лет. В нашей Сош-
ной ограде было 2 дома: один ста-
рый и окна в улицу, другой но-
вый 2хэтажный под железной кры-
шей, достраивали его до 1910 и 1915
Первый дом строил дедушка
до своей смерти \approx в 1860-х годах
Это я помню из того как пока-
ли умиотомать русского крестьяни-
на, и Эмиту крестьянства российской
Приходив к нам на огонек некий
Коротков Александр и требовал,
требовал платит налоги, глумил
не в самую белую свету задолжал как
бедный несчастный отец. Он доста-
вал бумажки доказывая, что уже
все уплачено, ему вручили другие
и похоже что этому не будет
конца. Помнил ли он насколько эта
власть была думана, подлая?

Мама почти что все время плакала
и я вместе с ней, видимо, они знали
куда это все клонится и нас было мал-
мала меньше 5 человек. Я, видимо, с
1922-23, или 24 гг. Документов не было
мама наша была очень религиозный че-
ловек, исключительно пораженный, кре-
стила нас в церковь а она в 1927-28 гг
сгорела и, естественно, все книги поги-
бли. Вспоминается все страшное
приходили грозил, забирали, отсылали
и когда уже нечего было взять осудили
нашего бедного отца и посадили в тюрь-
му в Москве. Было это, наверное,
в 1930 г. Пришло в это же время
судить брат моего отца, Федор
Максимович, запрет лошадку сбросил
на телегу пожилки, ребяташек и быч-
тонок в город Моск. Они зати-
мали верхний этаж нового дома
А в старом доме жили всевозможные
дошки [поэтому его не продали?]

Обстоятельства, конечно, уезду
нас, теперь мы остались в двух до-
мах один, но наверное, не надо по-
тому что вверху образовалась кон-
тора колхозная, там заседали

бухгалтера это-то считали, и пере-
сно, что же они могли устроить. Всего
работу по уничтожению крестьянства
проводилась по указанию свыше, от мест-
ных деятелей то же много зависело.

Мама как-то упрекнула
отца за то, что он пожелал тем
водки (Зл) требовали активности и
обещали больше не привязываться. Но
отцу был для таких подлых дел отец
порядочный человек и, видимо, рассудил
что этим подлым верить нельзя

В нашем селе было, примерно
около 150-200 дворов, и делился, условно,
на 3 части: татарская, русская
и хохлы. Но более примыской выглядела
русская, очень малая, по своим тем
детским впечатлениям - хохлоушка
а татарская часть населения вроде
полужиды, видимо, за счет продажи
лугов русским и за счет каких-то дру-
гих доходов, у них, кажется, посево
не было.

И вот когда уже было взять у
нас нечего решено на общем собрании
и собрании колбеда, (говорят старые
жители что их не было, тему я не верю,
все было в нашем государстве по опре-

деленную границу, по разоренно крестьян-
ства, в частности, был и колбед, кто его воз-
главил в нашем селе, не знаю. Помню так-
же две фамилии - коротков А. и Верилев)

17 мая 1931 г утром нас будит мама
в слезах, приговаривая, деточки мои
вставайте, нас куда-то повезут. Так
ласково нас она не называла, было некогда
идеализация, за то отец с нами был очень
ласков. Собирались было нездорово, одеваем
было нездорово, были настолько низкими голыми
дальше некуда. Усадили нас на телегу
затрещекую каменную Рижскую, впереди
сидел возница, мимими, по моему, не
было. Тогда ехали по городу до Сергиев
ишников, по обеим сторонам улицы стояло
много народа и мне встали кажутся мно-
гие макамы и бросали в наши телеги
иногда что-нибудь из одежды, еды.

Сколько мы просидели в ожидании
баржи не помню, приходили родственники
что-то прикослись а что ноги принесли
почти что все были низкими

Отметим помяте эпизоде тех
дней: просидела мама что некоторая
возвращают обратно даной. Мама
нас всех повела в этот деревянный дом
с 3 ступеньками

по центру камбюта стоял стол, укр-
щенный красной скотереткой, а за ним
в центре сидела женщина, (в синем косыно-
ке и белой блузке) по бокам мурзилки (2)
Мама стала объяснять, что вот у нее
5 детей, старшему 15 лет, и последние
на руках, мужа нет, сидит в тюрьме.
Она презливо смотрела на нас, и приказала
выйти вон. (Очень женственно)

Посадили нас в тирани баржи, тесной
страшнейшей, кокетей, как вытаскивать
было некуда, наверху баржи с оружием
охраняли наши жизни и лошадей, вы-
ходить не разрешалось, строго в определен-
ное время, но были слуги, и несколько
раз, люди бросались в реку, не выдерживая
столь неприятного положения. Еще пом-
нится вода из реки замескивалась в тирани
тогда, видимо, не знали что такое Т.Б.

Сколько дней плена и мучали пароходки
с нашей баржей не знаю. Но прибыл и
разгрузили нас на острове против села
Тарабел, селение стояло как бы на цу-
горке, а мы в низу.

Одновременно ночью нас детей, разбудили
подители, а кричал стоял в темноте рев
крик, стояли: поднялся уровень воды в
реках и остров стал заливаться,

Тарабел 2ой абзаца:

Через несколько дней появился отец. Я не ^{наивно} ~~знаю~~
отпустили его или он сам бежал к нам. Условия
содержания под стражей тогда были не такие,
как во времена Эстева - Берри, и бежал, если он бежал,
то не на волю, а в условия, может быть, еще худшие.

...но дней сего
... и баржу и повезли по
Тарабелю до отсыльного по. Со сна-
бо, там стояло несколько домиков, а
нас выгрузили на противоположном
берегу, и по-моему, какая-то протока
или заводь была небольшая. Был цуета
лес и болото далее, сплошные балота,
и небольшие уютетки суши.

При выгрузке из баржи, мага-
ки отбирали продукты, приказывали
бросывать все в кучу. И мне запом-
нилось отчество как наш незаметный
отец старался вместе с детьми выш-
ту в одежде пронести что-нибудь
свободное и как у него это отбира-
ли и были рукояткой казона и как
он, кокетей, делался от этой экзеку-
ции все хуже, хуже, совсем стал
маленьким, морально уничтоженным

но
мера
в усе
не
Ма
5 ден
на у
она
войти

Посадить нас
страшнейшая, кажется, ка
было некуда, как сверху баржи с оружен
зарядили камни, ^{пески} и копады, вы
ходить не разрешилось, строго в определе
нное время, но были слухом, и, несколько
рано, люди бросались в реку, не выдерживая
этого ужасительного паводка, еще пом
нится вода из реки замескивалась в тире
тогда, видимо, не знали что такое Т.Б.
Сколько дней плыли мы на парходике
с нашей баржей не знаю. Но прибыл и
разгрузили нас на острове против села
Тарабель, селение стояло как бы на кру
голке, а мы в низу.

Одновременно кобы, нас детей, разбудили
поднять, а крик стоял в темноте ре
крик стоял: поднялся уровень воды в
реках и остров стал заливаться,

народ хватая свои пожитки и переби
рались повые. Провителю, похуже, расчине
ваши на большую воду и, куда-то косо
поисет в северный ледовитый океан, дол
жна не была его как-то ликвидировать,
но простились, если есть Т.Б., то
и тогда, уехали молбу непови
ных людей.

Через несколько дней снова
нас погрузили на баржу и повели по
реке Тарабель до естязкого по Сохна
эво, там стояло несколько домиков, а
нас выгрузили на противоположном
берегу, и по-моему, какая-то протока
или заводь была небольшая. Был цвет
нее и болото далее, сплошные болота,
и небольшие угодки суши.

При выгрузке из баржи, мага
ки отбирали продукты, приказывали
бросать все в кучу. И мне зате
илось отступить как наш незаметный
отец старался вместе с детьми вы
ти в одежде пронести что-нибудь
свободное и как у него это отбирал
и были рукояткой казана и как
он, кажется, делал от этой экзеку
ции все ниже, ниже, совсем стал
маленьким, морально унылым.

при мысли, что утром едим нечего
будем есть. И конечно, голодами люди
умирали, во многих местах Валених
люди мертвые, не чуждым закопывали
Мы, ребятники, целыми днями ла-
зили везде и эти сцены видели и запо-
миналось все, все эти продукты обвешан-
прутьями, (как именные корзины, коробки)
два таких было, и конечно, все гнило,
портилось, а мы думали, раздвигали
эти прутья и что-то могли взять
в свою горсть и съесть.

Я была, видимо, крепче, а Валентке
не было и 2х лет, через несколько месяцев
она умерла от голода, а вторая сестра
3-4 лет была истощена голодом это по-
шла на старую, старую старушечку
с височной кожей, ружкалиц-кожекалиц-
карандашиками и от бессонной потер-
ли голос, когда немого отца так она
говорила по одному слову в день. Отец
походил на тех детей, каких фото-
графируют в тюрьме и помещают в
нашей центральной прессе.

Через какое-то время начали
людей делить по усадькам помню
названия Смольный, Белка, Ивушка

до 10 поселков на некотором расстоянии
один от другого. Добираться от одного
до другого приходилось по ледяным доро-
гам, мастирили их те же кулаки стоя
в болотах в майской, или июньской воде
в северных местах очень холодно. Ни
одна сотня людей пошла на этих доро-
гах. Начали выдавать паек по 3кн. муки,
на месяц на человека (точно не помню)
где еще не было хлеба не было ничего,
тепей, паек было все делить. Отец со-
рудил землячку крыша из дуба, дожде-
в землячке. Не было ни одного слова, тогда в нее.

Начали содружаться большими
поскольку у отца была лошадка Рыжко
его заставили в ней работать по хозяй-
ству: корчевать, убирать, внутри и снаружи
подвозить воду, продукты, хорошие убора-
тых и т.д.

Затем мне две дра-
ммы, командующих нашими
жизнями: Сапронов - Белый, мордастый
лет 30, с нагаком и Турьев - высо-
кий острорылый, корявый горластый
и конечно же, то же с нагаком, ко-
торым он часто пользовался, устро-
ная даже детям, Думая, что
для них в пос. Соляево готовили

еду, общирались "кулацкими" крохачами, которые при выгрузке стбирали. Запомнилось, как этот Турев кричал на всю округу: "старик, кулацкая морда, вези нас на ту сторону, да быстро, иначе..." (матери и нагелкам размахиваем) Отец бросает все и бежит к лодке, как он был умилен, придет, страшно встолкнется.

Один эпизод: мама отдала крахмал от струбей не то пшеничных, не то овсяных ма кисель, наверх, они эти шкелки стояли на виду, появилась старая женщина, вся изможденная пращи помочь от голода, тем же мы могли ей помочь нечего дать. Увидела она эти шкелки с такой мадностью набросилась на них стоя на коленях, руками заталкивает в рот, остальное вытряхнула в сумку, вытнула большой красный платок шелковый, мама его не брала она бросила его в угол и пошла, приговаривая, будем ей тем детю покармливать. Мы этот платок не брали в руки и не носили, он как бы символ большого несчастья мадекого, это мы до продать, или выменять на еду было нечего.

На зиму нас перевели в пос. Соиславо (остяки, мне помнится все убежали, бросили свои домишки) в таинко это отстроенный барак из сырого леса, крытый дубом крохотные окошечки одиарные сырость, блохи, вши. Бань не было, мыла тоже, копилки, много много семей наведное, около 6 - по середине барака сколоченные были норы высотой от пола более метра и широкие и на этих норах проходила вся наша жизнь варить особо было нечего, зимой можно было герпать рыбу из проруби, она была дохлая, видимо, без кислорода, кое-как приспособивались чтоб не умереть с голода.

Три уполномоченных по радио, или ТВ дали нам "Звездный" встали, мою сразу всю эту семью из Алтая екого края, особенно хозяйку с мокрыми красными глазами, особенно запомнилось тем, что она брала холщовые детские рубашки, и проводила зубами по швам, таким образом она умиоткала вшей. У меня лично, и сейчас во рту покажется клубится слюна. Жили строшико но не ругались.

В эту зиму я ходила в школу в Тке
была она организована в обычной
доме. Однажды мама говорит чтобы я
подшла к кому-то (не знаю) и сказала
что у меня кружится голова (так бы-
ло на самом деле) и меня вывели
в список сложных детей и после заметки
в школе нам давали гримежку, или даже
мало каму с магом.

Все-как довели до весны, откры-
ли бараков магази корзевоме под огороде
семена хозяйки, видимо, с собой приведи-
ли временем, мароду корземо поубе-
вилось, кто улиз, кто сбегал, закру-
ли большому и отец остался не у дел,
нам Рышко забрал неговяшко в болото
погнавшись за зеленой травкой, когда
отец пришел за мной с уздежкой он
так радостно заржал, после того
как он нигде не смог сделать его
спасты, его все больше зотрягивало
в тину, животное поняло что это
его конец в такая долго и протяжно
мы долго не могли его забить, лошади
умирали никогда нас, детвору, не тро-
нула, мы лазили по нему, надсадали
отец пришел, положил уздежку и сказал
теперь будем умирать с голоду

Как-то в нашем хозяйстве скакалась
ваза под звети мама сказала чтобы
я ее занесла учительнице все равно
моя скоро умирать, ни к чему, это
те я и повторил учительнице.

Тем временем подоспела колба
нас послали куда-то в лес ее заготовили
вотте, солите. Трава была непролазная
гуще еврашнейший, (крупные камары
таких больше я не видела). Было холо-
дно в лесу, ем только вареники колбу
заправленную заширукой (мука раз-
веденная) и было счастье если в гаш-
ке попадался "пятачок этой заши-
рушки. Однажды заблудился старик-
ток, мы на вечерней заре кричали до
хрипоты он не пришел, только на
следующий день он появился, запо-
мились его бегие дикие, дикие шага
ничего не говорил. Его опять погна-
ли в лес и опять он не пришел
искали его несколько дней наконец-то
нашли его он сплотив был усеян крова-
выми-капалами. Примели ло-
паты, мукезные выкопали яму, туго
его пахочили и вие, конец еще одному
"кулаку". Маг его поглотил горько,
радал его влук лес 10-12, круглой
сирота

Родителям. Видимо, стеснялись
с сестрой отца - Матильдой Макашиной.
Чтобы она меня взяла к себе. Жили они
в Чинкиском р-не, были там же соседи
но их меньше обобрали поэтому у них
была корова, пасека, снасти для
милк, детей у них не было. Дядя и его
отец умерли друг за другом, она оста-
лась одна, у нее тоже была жизнь тя-
желая, заставляли кормить под посевы, там
тоже было много спекулянтов из
Алтайского края, голодали страшно, но
у них были уже огороды. Матильда Макаши-
нина много продуктов от своего хозяй-
ства отдавала голодающим.

В июле-августе, видимо, 1940-
года родители снарядили в поездку к
тебе, вручили мне узелок с собой все
перенесли реку Тарабель, чтобы обойти
пост команданты на главной дороге
(без пропуска в райцентр не пустили бы)
я забавная с сестрой вилась суровая
должна расстаться с родителями, се-
страми, полкая неизвестности. Меня
ублаживали что я буду пить молоко
есть мед, хлеба сколько угодно и т.д.
Я им говорила ничего мне не нужно, буду
если это будет, не будет того кушать.

Будем умирать вместе, никуда не поеду
эт мама. Ухватила за ее ноги, она
отрывается от себя я хватаюсь снова и
кричу что буду умирать вместе со
вами. Отец отрывает меня, я снова
брошусь к матери умиряю ее, они
отражают это мой крик умиряю
коллегами и вернет назад и может
посадить в тюрьму. Пусть садит
только с мамой и старалась кричать
погромче, чтоб коллегами услышал,
но ей не удалось, отец покрепче ухва-
тил меня за руки и потащил от матери,
я несколько раз отмахнулась она все стояла
на том же месте с опущенной головой
и в слезах. Так же всю оставшуюся
мою жизнь слово "мама" там, в пара-
бельских тальниках, там же осталось
и мое детство, хмель оно и так было не
схити какими радостным. Позднее, в
1943 г. когда "всех" всех народов про-
стим" спекулянтов и им выдали
паспорта и она приехала в Томск
с младшей сестрой, то для меня это
было совершенно "чуждой" женщиной
к которой ничего не было радостного.
Кто же во всем этом виноват, в
исковерканных дочерних существах?

А мужики всех призывных возрастов в Советскую армию не брали, кулаки были они с оружием в руках "вопреки", в первую войну они вспомнили об этом людском резерве и всех призывных необузванных подростки в сибирских полках под Москву и Волгоград. Наверяд ли перед смертью они боялись думать о "вопреки", они столько думали о родне, как во все прошлые времена, прошлые войны.

Итак, отец оторвал меня от матери, с каменным сердцем и сердцем побрили к Тарабелли, на утро, как уехали ринлись затопить меня на пароход, помню, неоднократно проверки документов, а меня прижали в пиджук, под кровать. Или в Молозино, или Молозово меня высадили, там меня встретила семья Шиндатовских, зюва семья то же "кулак" в возрасте, примерно, 50-55 лет. Все меня до Тринкино со или 80 км. # сейчас, наверно, и 8 км не пошел бы.

Там встретил радостно, но с того времени была потеряна улыбка и смех. Иногда я пасла коров, заходила в лес полюбиле и кричала "мама" приходи ко мне, так было тяжело, со временем, конечно, боль притупилась

стала привыкнуть от родителей, сестер и никогда, впоследствии, не проглотила кусок хлеба и не подумала о том, что у них нет этого и они голодают. Другую сестру взяла к себе другая теща а брат, прибавил себе год, его взял на работу на баржу один смелый, потом временем, человек, хотя ему было сказано что он "кулак", ему было наплевать кто и что, знаю одно это самый трудный бой на земле нашей в то тяжелое время порядочные люди. Он жил где заложил его баржа.

Вспоминается такая случай, пришла однажды в Тринкино, видимо в 1932-33 гг. - на берегу Там стоял много народу около катера с баржей, подошла я и увидела разных детей с большими головами, шивотами, с отвисшей кожей, потасованными ружками. Велм их с какой-то Талотки, или Талогки потом я узнала от врага, она в то время уехала в Тамском медицинском это на этих детей было хорошо тренироваться делать ужал. Там была начальная школа я ее закалила, учитель был то же сельской - Михаил

Маркелович, его супруга Антонина Ивановна, он не терпит ее когда она курит и она приходила к нам спрашивая это удобовольствие. Однажды я принесла им маленького М. М. посадил меня на стуле и кофеточку одев на ушишки, мне слышно музыку, говорили люди, как будто где-то огарованное царство, а это всего - на всего Новосибирск где как и восторг или ярость, расстра-на.

Когда мы с тетей в 1936 г. выехали из Калининского района в Тельки, с собой под свечечкой помидоры кустики 1/2 сажа на Ма-таровской улице, мне приходилось ходить в магазин или еще куда-нибудь, то мы когда не проходили мимо этих 2 красных зданий, они тогда были единым целым. Лентина м^р и м^р Г. Ионовские, все дети знали что там было, а по городу бежали воронки обтянутые железом, без окошек, на боку была маршировала ушибавшаяся женщина с оружием в красивой руке и был призыв: "Гейте мам-панкесе". Вот е какии колором мамин думали отправляли людей на тот свет.

Летом на утро передавались сообщения в ухе, что сегодня ночью взяли такого, только ни кому ни-чи

или под таким страхом взрослые и мои родственники. Жилась я в то время в 64 мк. 18 (на ул. М. Горького 33) был у нас любил медитировать преподаватель русского языка и литературы Константин Иванович Тропилов, было ему лет 65-70 и однажды он не пришел на урок, пошел к нему, но дома его не было, в квартире полная тишина, это потом мы догадались что с ним стало. Все грехили на Марию Андреевну Андросову, но мамини кончили она была сексом, посадила ее ^{и да еще делала себе стрижку каре, став сиреневыми и фиолетовыми} Сосном был и мой друг (то любимая матери) с 5 мамини детьми, одна ушла на тели вскоре тетю отправили в больницу, поехали, врез с тифом (наверно и ей и был, кто мои по-сталивать этот диагноз, врать - то не было) она уже ходила, галтели была выки-ваться и вдруг умерла ночью, исчезли золо-тые серьжки из ушей. Дедя потом на лесной тропе встретился с этой воронкой она так перепугалась его что рванула в снежный сугроб и увязла. Он ей ска-зал: "не бойся, не трою я тебя, взола бы эти серьжки, все равно тебе никто бы слова не сказал, мы ведь вне закона, вера тебе". Она ему ничего не ответила.

После смерти т. Клоба (жена моего дяди - ~~Виктора~~ Миксорога Васильевича Колева из д. Спасе, сейчас Колодрово) мама ежедневно уходила к ним в пос. Смольный (наверное, от Соколаева Зки) на весь день, там были дети мать-мачеха, как-то, тем-то надо было их кормить. Вскоре за грудной девочкой приехала их мать, и говорит она в корзинке лежничала. Это уже так болели, у грудного ребенка, наверное, документы не спрашивали бы, или так все были мапузаны, и не научились еще врать, изображаться как сейчас и ранее. Не знаю по каким бумагам, но дядю освободили и тогда дом (который у меня превратился в развалюху, под склад). Он стал в колхозе работать пчеловодом (доход для колхоза был не малый, после его ухода все пропало). А хозяйкой в доме была наша бабушка Екатерина Тимофеевна Колева, в то время было ей, наверное, не менее 70-80 лет. Затанцовалась такой службой: не пришел из стада бычок, она просит Павлика (Внука) сходить поить, (ему было лет 12-13) ходил, искал и не нашел. На утро выяснилось что его зарезали и бабушка говорит следующее:

"Павлушенька просил тебя как следует покормить, а ты поленился и вон ввел людей в грех". Заботилась о том, чтоб у людей было меньше грехов без перед Богом, а эти люди не побоялись у сирот отобрать кусок у Сидела, мы сироты, при живых родителях около 70-летней бабушки 8 человек, 8 ртов которые надо кормить, спасом огород, картофель. Сидела бабушка с опухшей головой, с распухшими пальцами, эти руки слишком много поработали. А результат - страшнейшее нищенство, непонятное малом на все живое и неживое. Крестьяне толпились на рынок в сапожках оловян, мереное молоко, мясо - в погашение налогов деньги куплено и кусок мыла, керосин и др. Шенкины по всей земле были в лесу а мушкетеры в тюрьмах, на строительстве Кузбасса. Это эти люди думали, можно подумать то верили кому-то, уверена никому ни верить а хлопать в ладоши и кричать "ура!" надо было, многие катуш. Сменило сейчас читая высказывания некоторых историков о прошлом в какую-то веру, в воюгда, что русский Иван совсем дурак не мог справиться с сопосставляем, не разоброшется что к чему, не мог покормить за какие грехи взяли соседа и он исчез, а его семья стояла как бы

прокаменкой - на работе (зигбой!) мы поступили в ВУЗы и т.д.

Однажды, в 1938-39 гг (точно не помню) пришел за мной милиционер в депо (а звали тогда били олень сурови) собираясь поехать этапом до места ссылки со всеми это 500-600 км в декабре - январе, 15-ти лет девчонка, полураздетая, полуразутая, на что было покупать, необходимое, да и в магазинах ничего не было, до 1947 г я не видел как там унаковывалась, люди давили друг друга в дверях магазинов, выезжала милиция на лошадях для поддержания порядка в очередях. И все же я готовился к этому, поверное, карточки кадем бы я отказалась, тогда же меня по улице, убивайте меня тут же я не сделаю ни одного шага, все равно я замечу в дороге. Будущее же Каминку про поше, сгаснивает детство дарованное сверхземлем. Пришла булмачка (я ее хранию и сейчас) в которой написано: "видом на женственность слушайте не можете". Вот так, при камен - то конституции кождый имеет право на труд. В общем от меня отвязались, революция от этапа. Надо как-то поступать на работу, а бюрократизм - то какая, страшная - браз на-

года, кулак, снег переселенцев, приходила мудрить, что-то скрывать, тогда же можно так же в сузубо личной жизни. А как жили мы родители в ссылке: жили в бараке, наполовину в земле, спасались от морозов, собирали ягоды сдавали в закупкектору, приобретали на самое главное в жизни, сушили грибы. Тоска убивала кто умирал, кто уезжал, пытались организовать колхоз, в него закончили и мало бедного ешца, но он не поддавался тогда по старому испытанию средству в 30-е годы обложили налогом, а из того все платили, неужели эти роковые тарабельские действия не понимали где он возьмет средства в погашение налога, лишь бы пользоваться, погубиться над людьми, пришли с отливом и мужеством, а какое оно: было 3 или 4 подушки, измощенный собачий тулун, и 4-5 кошелечков материнских платка, ее приданое, бережно хранимое про сонной земной дель и все подушки обобрали без остатка, но это все копейки а налог - то большой. Тогда пришли его арестовали, судили (суд в те времена был скорый, что черемониться)

За года шахти Кузбасса, а условия там создания рабов того времени хуже скотских у хорватов хозяев. После индиферентная вступая не калеккой в обушки на деревянной подомде в зимнее время

В августе 1940г я наехала их в зоо-веденье! было там несколько избушек, как раз, поплы как мыльный пузырь, то были недостройки его, то снова загодили, правдиво сданою отец, что не подумывая хотя бы слабый промешу, против дикого населения. Так жили не растомышля раз говорить, кестрике было лет 12-13, дикая, безграмотная (в стране 1/3 грамотности) полууголовное существование, проблема там нечего не хотела бы это видеть. Проводил меня отец до Таробели, перевез на лодке 2/3 узку к пароходу, вылезла я на высокий берег скрылась от его глаз села на французской свой генодом и долго плакала. Видно, сердце предуготовало, что больше я его не увижу. Так и случилось 2 февраля 1941г он умер, не дошел до волеи от какой болезни? оленько, разве кунакан ставили диагноз, еще их и лечить, дорого удовольствие для госу-дарства! а кто лечил бы?

В 1936-37 гг (точно не помню) было обяво на набор на курсы таберантов (комитет Заготовок) с образ. 6 классов. Тогда, хоте-лов поскорее пойти работать, проинтоси-мичисую, был действительн. мичисую т. Там я не работала, проводилась кое-ка-щерб, да картонка, овощи (все свое огорода), приняла баскам, упрямой внешности, новерное, к тану же и не приглаская (запрещены человек, никому не нужен баялазъ взять мичисую кусок). Стали меня спрашивать про родителей (вряд тогда еще не маузилась) сказала что они в семье. Уди енгода и не приходи-потому, что набор был на Восток. По окончанию 7кл поступила в педучилище, а в 1940г приехала из Зырянского Рона ин-спектор уговаривала нас поехать к ним работать и я дала согласие, послани ра-ботать в Миняевскую каз. инк. там давал жил и работал горбатенький безграмот-ный мужикок (было у него поз-во, лацадо) а ми 2 девочки из города жили впрома-было у меня 2 любви, приняла одну вине-кание на туз картонки (за деньги ниче не продавался, было нечего продавать хлеб продавали уже по норме, когда было

Титлера кормить) а зарплата моя была
1931¹⁵ коп. кто имел законченное образование
получали - 215 руб. Доработала я до середины
октября, прихожу однажды утром в класс, а
там сидело за партами 3-4 узеника,
спрашиваю про аталыка, отвечают это
эолодо. Но какой же это холодо? А ни
обуть нечего. Пошла по домам посмотреть
как живут мои узеники и пришла в утас
Заходить в дом - слева большая русская печь,
на ней сидят дети в халатовых одежонках,
спрыгивают с печи одевают милые обрез-
ки, залатанные, туть повтисе цыколки
выбегают на улицу, одевают теплой мех. На
тобурейке стоит деревянное ведро, около
него жестяная консервная банка, или что-
нибудь вроде этого, на полках кое-какая
посуда, на деревянных кроватях лохмотья
постели, измуренные женщины, которые с
большой радостью послали бы своих детей в
школу но увы! нечего обуть, одеть. Предпо-
лагала это мне не велясь много, дружин-
нице, но оказалось это хуже некуда. Что
не думали в Зырянском РОНО, направляя
нас, 2, в такую школу, ведь это не первый
год такое. Пришлось мне уехать в Тер-
дамы, решила в зимние камушки в воюре

сели съездили в Зырянку, там там туда ехал
механик МБС на лошадке. Договорились на
следующий день ехать обратно часов в 5-6
и часов-то ни у кого не было. Когда я при-
шла, то он уже уехал, хозяину сказал, что
видимо, я не поеду. Это никак к тому
что мы, т.е. весь народ, были до такой сте-
пени замучены, что пусть лучше меня волки
съедят котюю в 35-40 градусный мороз, как
как обутая потопала одна среди ночи
недойдя км. 2-3, в деревне какой-то, посту-
тала в дверь, объяснила в чем дело, добрые
люди пустили и сразу меня на печь а
утром пораньше разбудили чтоб мне че-
пать к началу занятий в школе. Началась
война, нас переменили, молодых учителей по боку
с запоздаехали эвакуир. семейные, опытные
и надо же было им как-то жить. В Москве
центрилась работами на завод № 690 (Москов-
ский) опять пришлось привираться биографиче-
ские-то, в 1943г. приходим на завод агити-
ровать в техникум Кол. Заг'а, такой на-
стойчивый это уговорил нас несколько го-
век, у них был большой подбор. В 1946г. закон-
чила техникум, получила направление в
Омск, зав. лабораторией в Одесское 3-е здание
(самый южный район в Омской области на
границе с Казахстаном)

Жила очень тихо - в магазинах ничего, только
неги бурьяном, вода на глубине в колоде -
не менее 50 м и соленая, а вьюги по 2-3
дня, заносило все вокруг, иногда дощички
заносило выше крыши, хорошо что дже-
ри открывались во вьюрь и можно было от-
котаться, какой-либо палогки, дощечки
не найдешь. Жили не снимая телогреек,
бать не было. Под пасху натотили неги
неокалами киртиски опускали их в тельези
божку и все мылись в этой богке не менее
восьми. Моя прошлая жизнь, точнее, ^{жизнь} ~~жизнь~~
отразилась на будущей, для некоторых
людей карьера дороже всего, в далекие
и не столь отдаленные времена предавали
самых близких, митам жизни. Все свою
жизнь избегала общения, как бы, кто бы,
его не спросил.

Сейчас идем оформивание право-го гос-
ства, до какого уровня это дойдет и ка-
ковы кодексы будут, а главное как будут
исполняться законы на всех уровнях
Мне вспомнился случай из моей жизни
Проработали мы учительницами дней
10-15, нам старшой говорит, это зво-
нили из РОНО и приказали нам двоим
прибыть к 12 час. дня. Но утро запря-
лошадку, объявился какой-то попутчик

и как не торговались, оназдали (там, види-
мо, от Михеева до Зырянки км 40 может
больше, может меньше). Зашли в РОНО,
моей подруге-уч-це говорят, это званили
из Асиновской школы и сказали о том что
в Асино на вокзале сидит ее мать с
4-летней внучкой, добираться к ней на
постоянное жительство, есть какие-то
потнички. Надо заметить у ее матери
были кое-какие пенхангеские отклонения
Она на этой же лошадке поехала на вок-
зал, пошла попутчики, а я пошла в рай-
онный клуб, куда были собраны учителя на
какое-то очередное наставление. Зашла,
выслушала все наставления, народу был
полон клуб. То окангоши пошла к пункту
эзерно, как-то надо добираться до дому
С пересадками добралась ногою до дому
а утром выясняется что пошелу старшо-
му сообщили мичеевские жители (они
видели мою подругу по пути в Асино) о
нашем побеге и уgone лошадки. Он при-
нялся звонить, это называется, во все
колокола и в первую очередь в РОНО. Было
уже поздно, машина закрыта, сраба-
тывает указ (от какого-то) за оназда-
ше на 21 минуту выгнание из э/маши
5% 4-6 месяцев, нагальнички из РОНО

Лухвизников, Поданев прыснуты еш етраха на
дают в суд (приблизь к ответственности неопи-
мую безмозгую девонку, которая не зареги-
стрировалась в журнале своем приехавши в
Зорянку на этот заседательский суд) кто
ли сказал как нучно делате, стожа то
у мене каких-то 10-15 дней. Приехала в
Зорянку с повесткой в суд, зашла в РОКО
стала с Поданевым разговаривать, доказывая
огонь в клубе говорилось, кто выступал, с
кем из учителей ехала вместе то ли до
Троимовки, то ли до Михайловки (не пом-
ню). Ответ: ничего не знаю, никого не знаю
Пришла в суд, там был только один мужик
лет 50, лысый, когда мне улюбастья, как
Залихватский ковалер, шутки, шутки а
потом грозно рыкнул: "встать и далее
"ишкел...". 6 мес. 25% из моей кисточ-
ной зарплати, как я ему не говорила, дока-
зывала что я не прогуливала, спросите у
того, этого никого не помогло. А в голове
торжит сценка из Воскресения Л. Толстого,
сколько там было присяжных, а здесь никого
кроме этого лысого. Так что и я илюю
"судимость", разве можно было ответить
от "модн". В связи с этим встопникает
срельетон из газ. "Красное знамя" как
одни герой" этого ф-на выжили из дома

на работу (наверное, по судку старой
ТНЭУ) дошел до одних часов на улице уже спаз-
дывал, побегал рысью, прибежал к дружини
наверное, к Миссуре (тогда на этом здании
были часы) нет он не спаздывает, перебе-
дыхание, пошел дальше, пришел еще к
дружини часам (наверное, на ТНЭУ) уже
споздал на одну минутку - суд, 25%, 4 мес
из Зорянотни. Тогда суди были, наверное,
на хозрасчете. Этот ф-н к талу это
часы в городе или врознобой (до войны)
Недавно в газ. "Красное знамя" была етубли-
кована фото-ия политических ссыльных
в Молгановском р-не, глядя на это фото
думаете недурно ил тут некая утибан-
ные, вольные поэи, собирались тахили груп-
палми, фотографировались, наверное, получали
денежки, у местного населения покупали
нелму, ветровую икру, балыки, малоско
и т. д. бегали туда, сюда, мантриме, наш
сверхаений "сверхбог" пробил в ссылке всего
"39 дней, а ему еткрыли музей в с. Марони
как "вешгойшему етрадальцу за народ"
мой дедя тогда служил в армии и сопровод-
дал его (тогда, кажется, не было п) до ст
Манск) передавая ему политических

Е. С. Е. Р.

Мартовский Комендантам
Директору Дел

Выпол на ответственность Сухачева не почем

Смрловская.

Томская

Чтобы избежать комендантам
ОУЛТК и МД УНКВДДавно предупреждалу Томской уездной
комендантской ОТК УИТД К НКВД по НСО
Сизовой Ольгу Сергеевну по поводу 1922 г.но Новосибирской области
19 мая 1940 г
№ 1013-191
Гор. Томскв том, что он из предупрежден
освобожден 19 июля 1940 г без пра-
ва возобновления в прежних местах
СССР.

Смрловская при упрямости не возобновляется.

Командиром Томской уездной

комендантской ОТК УИТД:

1 ноября 41

У. Д. Орлов
(не помню)

Инспектор УОУЛТК:

У. Новикова

У. Жобаненко

В журнале не записан: Томская уездная комендантская ОТК УИТД и
ТД УНКВД по НСО

ихний сопровождающий наказывал чтоб
он ничего лишнего не болтал про царей в
присутствии этого усага, за эти 39 дней
он с меховой отплатил короду-корлимызу
элите" извещу русского крестьянства, там
его разорения нагнал мор и голод. Когда
я была маленькой и стала старше в
душе моей ни на одно мгновение не было
сомнения, или упрека моим родителям
разве можно все забыть, что выпало на нашу
долю и долю моего отца, как он вынужден
был ходить с сумой, побираться (а кто
особенно, мог что-то ему подать, там в семье
же, очень редко кто) мой гордый красивый бело-
русский крестьянин, хозяин, кормивший
своим трудом десятки людей. До самого
моего последнего вздоха не забуду этот
издев над моим отцом и всеми русскими
людьми и проклятие всем бывшим и ныне
живущим, которые замалчивают тот режим
и то окружение. Известный русский вопрос-за что?
Сизова Ольга Сергеевна, г. Томск, ул. Кула-
гина, № 7-46

За что?

(Из воспоминаний Ольги Ефимовны Сизовой)

Лет десять тому назад я собиралась поспрашивать о прошлом своего многочисленного рода у старших, чтобы написать о нашей китце, но, увы, все они "ушли", и мы мало что знаем о наших делах и пределах, в общем, остались без корней. Есть одна версия о дедушке Максиме Маркеловиче, но достоверна ли она? Вроде бы его мать за послушание барыни выслала в Сибирь с двумя детьми - один наш дедушка, другая - дочь, Дарина Маркеловна, жила в селе Калтай и очень жила.

Было у нашего дедушки пять сыновей и три дочери. Бабушка, Агафья Сизова, умерла сравнительно молодой. Видно, когда сыновья мукали, росли и хозяйство, и достаток. Запрягалось до 30 лошадей, являлись. Началась мировая война, много лошадей ушло, с ними в эту масорубку поехали и сыновья, но возвратились все живыми-невредимыми. Мой отец, Сизов Ефим Максимович, родился в 1880 году, был он человек очень хозяйственный, работящий (сейчас так уж не работают), гордый, независимый, сильный, непыльный, такой хозяин, о каких сейчас мечтают в нашем государстве.

Дедушка умер в 1921 году во время эпидемии тифа, мой отец остался за старшего, семья состояла из 30 человек. Постепенно стали отделяться женские братья, один умер в возрасте 18 лет, другой где-то около 30 лет. В нашей большой усадьбе было две дома, один старый, четырьмя окнами на улицу, другой - новый, двухэтажный, под железной крышей, достраивали его до 1910-1912 годов. Первый дом строил дедушка до своей женитьбы, где-

Что я помню из того, как стали уничтожать русского крестьянина, элиту крестьянства российского? Приходил к нам "на огонек" некий Коротков Александр и требовал=требовал платить налоги, чуть ли не всему белу свету задолжал наш несчастный отец. Он доставал бумажки, доказывая, что уже все заплачено, ему врчали другие, и похоже было, что конца этому не будет. Мама почти все время плакала, и я вместе с ней. Очевидно, родители знали, к чему все это клонится, а нас было мал=мала меньше пять человек.

Я родилась, видимо, в 1922-23 или 1924 году. Документов не было. Мама наша крестила нас в церкви, а та в 1927-28 годах сгорела, и, естественно, все книги записей погибли.

Вспоминается все страшное - приходили, грозили, забирали, опинывали, и когда уж нечего было взять, судили нашего бедного отца и посадили его в Томскую тюрьму. Было это, наверно, в 1930 году. Примерно в это же время младший брат моего отца, Федор Максимович, запряг лошадку, сбросал на телегу пожитки, посадил ребятшек, и был таков в город Томск.

Теперь мы остались одни хозяевами в двух домах, но ненадолго, потому что вверху обстроивалась колхозная контора, там заседали бухгалтеры, что=то считали. Интересно, что они могли учитывать?

Вся работа по уничтожению крестьянства проводилась по указаниям свыше, но и от местных "деятелей" тоже многое зависело. Мама как=то упрекнула отца за то, что он пожалел четверть водки (3 литра), которую требовали активисты, обещая больше не привязываться. Но отец был для таких подлых дел слишком порядочным человеком и, видимо, рассудил, что верить этим негодьям нельзя.

В нашем селе Калтай было примерно 150-200 подворий, делилось оно на три части: русскую, татарскую и "хаклацкую". На-

более прилично выглядела русская, крайне плачевно, по тем моим впечатлениям, — "хэхлацкая", а татарская часть вроде получше, видимо, за счет продажи дугров русским и каких-то других дэхэдэв. Посевов у них, кажется, не было.

И вот, когда и взять-то у нас уже было нечего, на общем собрании и собрании комбеда наша участь была решена. Старые жители говорят, что комбеда у нас не было, но я не верю, всё было в нашем государстве для разорения крестьянства, был и комбед. Кто его возглавлял в нашем селе — не ~~точно~~ знаю, помню только две фамилии — Коротков и Ефимов.

17 мая 1931 года будит нас мама утром, вся в слезах, приговаривая: "Деточки, милые, вставайте, нас куда-то повезут". Так ласково она нас не называла никогда, было некогда няньчиться, зато отец был с нами очень ласков. Собраться было недолго, одевать было нечего, были мы настолько нищими и голыми, что дальше некуда. Усадили нас на телегу, запряженную нашим Рыжком, впереди сидел возница, милиции, по-моему, не было. Когда ехали по гэрэду до Черемшников, по обеим сторонам улиц стояло много народа, и мне вспоминается, что многие плакали и иногда бросали в наши телеги что-нибудь из одежды, еды.

Сколько мы просидели в эмигрантских баржи — не помню, приходили родственники, что-то принесли, в что они могли принести? Почти все они были нищими...

Посадили нас в трюм баржи, теснота страшнейшая, кажется, ноги вытянуть было некуда. Наверху баржи конвой, выходить не разрешалось, кроме как в строго отведенное время, но были случаи, когда люди бросались в реку, не выдержав столь унижительного положения. Еще помнится, что речная вода заплескивалась в трюм.

Сколько дней шлепал плечами парходик с нашей баржой, не знаю. Но, наконец, прибыл, разгрузили нас на острове против села Парабель. Селение стояло как бы на пригорке, а мы были внизу. Однажды ночью нас разбудили родители, а кругом в темноте стоял рев, крик, стоны. Поднялся уровень воды, и остров стало заливать. Народ хватал свои пожитки и перебирался повыше. Правители, похоже, рассчитывали, что большая вода унесет "кулацкий класс" в Северный Ледовитый океан, должны же были его как-то ликвидировать, но если есть Бог, то он услышал тогда мольбу невинных людей.

Через несколько дней после нашего приезда появился отец. Я не помню, отпустили его или он сам бежал к нам. Условия содержания под стражей тогда были не такие, как во времена Ежова-Берии, и если он бежал, то не на волю, а в ссылку, где, может быть, оказалось еще хуже, чем в тюрьме.

Суухтя еще несколько дней нас снова погрузили на баржу и повезли по реке Парабель до остяцкого поселка Сэиспаево. Нас выгрузили напротив поселка, рядом была какая-то протска или заводь. Здесь был густой лес и далее болота, сплошные болота с небольшими участками суши.

При выгрузке у нас стали отбирать продукты, приказав сваливать все в кучу. И мне отчетливо запомнилось, как наш несчастный отец старался вместе с детьми пронести в одеялах что-нибудь съестное, и как у него это отбирали и били рукояткой нагана, и как он делался от этой расправы все ниже и ниже, стал совсем маленьким, морально уничтоженным мыслью, что утром детям нечего будет есть. Все отнятые продукты обвязали прутьями, получилось два плетеных короба, все гнило, портилось, а мы, детвора, раздвигали эти прутья, чтобы что-то

взять в горсть и съесть.

Люди голодали, умирали, во многих местах валялись мертвые, их не успевали закапывать. Мы, ребятинки, целыми днями лазили везде, видели эти сцены и запомнили все. Я была, видимо, крепче, а Валечке не было и двух лет — через несколько месяцев она умерла от голода, а вторая сестра была так истощена, что походила на старую-старую старушечку с отвисшей кожей, ручками-ножками-карандашиками и от бессилия потеряла голос. Когда она немного ожила, то начала говорить по одному слову в день. Очень она походила на детей, что фотографируют в ~~Африке~~ Африке и снимки помещают в нашей прессе.

Через какое-то время людей начали делить по участкам. Помню названия — Смольный, Белка, Шука — до десятка поселков далеко друг от друга. Добираться от одного к другому приходилось по лежневым дорогам, а мастерили их те же кулаки, стоя в болотах, в майской или июньской воде, которая в этих местах очень ~~холодная~~ холодная. Начали выдавать паяк по полпуда муки в месяц на человека (точно не помню). Но там не было жилищ и печей, чтобы печь хлеб, все надо было делать. Отец соорудил землянку с крышей из дерна, дождь протекал через нее. У нас не было ни одного гвоздя, не было топора.

Запомнились мне две фамилии "командующих нашими жизнями". Сафонов — белый, мордастый, лет тридцати, с наганом, и Гурьев — высокий, эстроридный, кривой, горластый и, конечно, тоже с наганом, которым он часто угрожал даже детям. Думаю, что для этих личностей в поселке специально готовили еду, а они обжирались "кулацкими" крохами, отобранными при выгрузке. Запомнилось, как Гурьев кричал на всю округу: "Старик, кулацкая морда, вези нас на ту сторону, да быстро..." Мат, наганом раз-

махивает. Отец бросает все и бегет к лодке. Как он был унижен, прибит... Страшно вспоминать.

2 На зиму нас перевели в поселок Сзиспаево — остяки, помнит-
ся, все убежали, бросив домишки. Поселили в только что от-
строенном бараке из сырого леса, крытом дерном, в сырости, с
блохами и вшами. Бани не было, мыла — тоже. В бараке жило экс-
ло шести семей. Посередине были сколочены нары высотой более
широкие
метра. На них и проходила вся наша жизнь. Варить особо было
ничего, но зимой можно было черпать рыбу из проруби — она
плыла дожлая, видимо, от недостатка кислорода. Народ кое-как
приспосабливался, чтобы не умереть с голоду.

3 *Лето и любовь замечали на реках болот и посты НКВД*
В эту зиму я ходила в школу, в первый класс. Школа была

организована в остяцком доме. Однажды мама сказала, чтобы я
подшла к кому-то (не помню) и сказала, что у меня кружится
голова (так это и было на самом деле), и меня включили в спи-
сок ослабленных детей. После занятий в школе нам давали греч-
невую или овсяную кашу с маслом.

Кое-как дожили до весны, около баракиначали уменьшив кор-
чевать участки под огороды. Хозяйки, видимо, привезли семена.
Тем временем народу хорошо поубавилось. Кто умер, кто сбежал.

Наш Рыжко забрел нечаянно в болото, погнавшись за зеленой
травкой. Когда отец пришел за ним с уздечкой, он так радост-
но заржал! Но после того, как отец ничего не смог сделать,
чтобы его спасти, животное поняло, что это конец, и плакало
~~долго, претяжно~~, его все больше затягивало в тину. Мы долго
не могли забыть Рыжко, лошадь была умница, никогда нас, дет-
вору, не трогало, мы лазили по нему, *и по ней* надедали. Отец пришел,
положил уздечку и сказал: "Теперь будем умирать с голоду".
Как-то в нашем хозяйстве сохранилась ваза под цветы. Мама

сказала, чтобы я отнесла ее учительнице: "Все равно нам скоро умирать. Нам она ни к чему". Это же я повторила учительнице.

Тем временем подросла колба^{*)}, и нас послали куда-то в лес ее заготавливать, солить. Тайга была непролазная, гнус страшнейший, комары крупные, таких я больше никогда не видела. В лесу было холодно, ели вареную колбу, заправленную затирухой, и было счастьем, если в чашке попадался пятачок этой затирухи.

Однажды заблудился у нас один старичок, спецпереселенец. Мы на вечерней заре кричали до хрипоты, но он не пришел. Только на следующий день он нашлся, запомнились его белые дикие-дикие глаза. Он ничего не говорил. Его опять согнали в лес, и опять он не вернулся. Искали старичка несколько дней, и когда, наконец-то, нашли, он сплошь был усеян комарами-кровососами. Принесли лопаты, выкопали яму, в которую положили несчастного, и все, конец еще одному "кулаку". Над его могилой горько рыдал его внук лет 10-12, круглый сирота.

*всему Богу известно сколько
этот мальчик по свету
Максимовной*

Родители списались с сестрой отца, Татьяной ~~Ивановной~~, чтобы она взяла меня к себе. Жили они в Чаинском районе, тоже были сосланы, но их меньше обобрали, поэтому у них была корова, пасека. Они смастерили домик. Детей у них не было. Дядя и его отец умерли друг за другом, Татьяна ~~Ивановна~~ ^{Максимовна} осталась одна. У нее жизнь тоже была тяжелая - заставляли корчевать деляны под посевы. В чаинском районе тоже было много спецпереселенцев, голодали страшно, но у них были уже огороды. Татьяна Максимовна много продуктов от своего хозяйства отдавала голодающим.

Летом, кажется, 1932 года родители снарядили меня в поездку к тете, вручив мне узелок весом в полкилограмма. Мы переплыли Парабель, чтобы обойти пост комендатуры на главной дороге,

потому что без пропуска в райцентр не пустили бы.

Я, зареванная, с остановившимся сердцем, должна была расстаться с родителями, сестрами. Полная неизвестность. Меня уговаривали тем, что я буду пить молоко, есть мед, сколько угодно хлеба... Но я говорила: "Ничего мне не нужно, буду есть, что будет, не будет ничего — будем умирать вместе, никуда я не пойду от мамы". Ухватилась за ее ноги, она отрывает от себя, я хватаюсь снова и кричу. Родители страшили, что мой крик услышит комендант, вернет назад и посадит в тюрьму. "Пусть садит, только с мамой!" — я старалась кричать погромче, чтобы комендант слышал. Но он не слышал, отец покрепче ухватил меня за руки и утащил от матери. Я несколько раз оглянулась — она стояла на одном месте с опущенной головой и в слезах. Так на всю мою жизнь слово "мама" осталось там, в парабельских тальниках, там же осталось мое детство. Позднее, в 1943 году, когда вождь всех народов простил спецпереселенцев и им выдали паспорта, мать с младшей сестрой приехала в Томск. Но для меня это была совершенно чужая женщина, в отношениях с которой уже не было ничего родственного.

4 > Мы с отцом побрели к Парабели. Наутро он как-то ухитрился затанцевать меня на пароход. Помимо неоднократные проверки документов, когда меня прятали в рундуки. То ли в Могочине, то ли в в Молчанове меня высадили. Там меня встретила семья Шиндяпиных. Глава семьи, тоже "кулак" вел меня до Гришакино километров 60-80. А сейчас, наверное, и за восемь километров не провозили бы.

Тетя встретила радостно, но я с того времени потеряла улыбку и смех. Иногда, когда я пасла коров, то заходила в лес поглубже и кричала: "Мама! Мама! Приди ко мне!" Но со временем боль, конечно, притупилась, я стала отталкивать от родных. Другую сестру взяла к себе другая тетя, а брат прибавил себе год и

его взял работать на барже один смелый по тем временам человек. Он сказал: "Мне наплевать, кто и что, кулак - не кулак, знаю одно - честный народ, никогда не подведет". Были на земле нашей в то черное время и порядочные люди.

57 В Гришкино была начальная школа, я ее закончила. Учитель тоже был ссыльный, Михаил Маркелович. Супругу его звали Антониной Ивановной. Он не терпел, когда она курила, и она приходила к нам справлять это удовольствие. Однажды я принесла им молока, Михаил Маркелович посадил меня на стул, надел мне наушники, из них лилась музыка, говорили и пели люди, как будто где-то было очарованное царство, а это был всего-навсего Новосибирск.

В 1936 году мы с тетей выехали из Чаинского района в Томск, с общей родственной помощью купили полдома на улице Татарской. Мне приходилось ходить в магазин или еще куда-нибудь, но я никогда не проходила мимо двух красных зданий, которые тогда были единым строением по улице Ленина, 42. Наверное, все дети тогда знали, что там размещалось, а по городу бегал черный "вэронск", обтянутый железом, без окошек. На боку была нарисована улыбающаяся женщина с фужером в красивой руке и написано: "Пейте шампанское!" С таким вот юмором наши деятели отправляли людей на тот свет.

Часто наутро на ухо передавалось сообщение, что сегодня ночью взяли такого-то. "Только никому ни-ни!" Жили под таким страхом и взрослые, и мы, ребяташки. Училась я в то время в седьмом классе школы № 18 по ул. Горького, 33. Был у нас любимейший учитель русского языка и литературы, Константин Иванович Богашев, лет 65-70. Однажды он не пришел на урок. Это потом мы догадались, что с ним стало. Все грешили на одну учительницу,

по нашим понятиям она была сексотом и "посадила" Константина Ивановича. Вскоре она стала директором школы.

67 Точно не помню, но в декабре, кажется 1938 года пришел за мной милиционер: "Собирайся, пойдешь этапом до места ссылки". Это 500-600 километров, зима была очень суровая, я - пятнадцатилетняя девочка, полурасдетая, полурасутая - на что мне было покупать необходимое? Да и в магазинах ничего не было - до 1947 года я не видела, как ткань улаковывают.

- Тащите меня по улице, убивайте меня тут же, я все равно замерзну в дороге. Буду писать Калинин про наше "счастливое детство", - я и сейчас храню бумажку, выданную вместо паспорта, с пометкой: "Видим на жительство служить не может". Как ни удивительно, но от меня "отвязались", освободили от этапа.

В августе 1940 года я поехала проведать родителей. Как они жили - неохота лишний раз говорить. Ютились в бараке, наполовину в земле, спасались огородом, собирали и сдавали в заготконтору ягоды, сушили грибы, покупали лишь самое необходимое для существования. Поселок убывал - кто умирал, кто убегал. Пытались организовать колхоз, загоняли в него и моего бедного отца, но он не поддавался. Тогда по старому испытанному средству его обложили налогом, который было не из чего платить. Пришли, наконец, с описью имущества. И какое ж это было - три или четыре подушки, изношенный собачий тудуп и несколько материнских кашемировых платков, ее приданное, бережно хранившееся про самый черный день. Все пожитки отобрали, но все это были копейки, а налог - то был большой. Тогда отца арестовывали, судили, а суд в те времена был скорый и неправый. Получил он три года, срок отбывал на шахтах Кузбасса, где условия содержания рабов того времени были хуже скотских у хоро-

ших хозяев. После отбытия срока вернулся он в зимнюю пару ка-
лекой в обутках на деревянной подошве.

Я пробыла у родителей недолго, нестерпимо было все это ви-
деть. Проводил меня отец до Парабели, перевез на лодке через
речку к пароходу. Вылезла я на высокий берег, скрылась с его
глаз, села на фанерный свой чемодан и долго плакала. Видимо,
сердце предчувствовало, что больше я отца не увижу. Так и слу-
чилось. 2 февраля 1941 года он умер, не дожив до 60 лет. От
какой болезни? Да разве "кулаку" ставили диагноз? Их еще и ле-
чить?

Еще в 1936 или 1937 году в Томске был объявлен набор на
курсы лаборантов (Комитет заготовок) для лиц с образованием 6
классов. И я пошла, хотелось побыстрее устроиться работать.
Прожиточный наш минимум был минимумом в буквальном смысле слова.
Тетя Таня не работала, перебивались кое-как на хлебе, картош-
ке и овощах, все со своего огорода. Устраиваться на курсы я
пришла босяком, с угрюмым видом, к тому же, наверно, и непри-
чесанная. Я чувствовала себя заброшенным, никому не нужным че-
ловком, боящимся взять лишний кусок. Стали меня спрашивать
про родителей. Врать я тогда еще не научилась и сказала, что
они в ссылке. Ответом было: "Иди отсюда и больше не приходи".

По окончании 7 классов я поступила в педучилище, а в 1940
году инспектор Зырянского РОНО уговорила меня поехать к ним
работать. нас, двух девочек из города, послали работать в
Шиняевскую начальную школу. Жили мы впроголодь. У меня было
две юбки, но одну пришлось выменять на пуд картошки. За день-
ги ничего не продавалось, да и нечего было продавать. Хлеб к
тому времени уже отпускаялся по норме - надо было Гитлера кар-
мить.

Однажды, в середине октября, я пришла в класс и увидела, что за партами сидят три-четыре ученика. Спрашиваю про остальных — отвечают, что не пришли из-за холода. "Но какой же это холод?" — "А им обуть нечего". Я пошла по домам, посмотреть, как живут мои ученики, и пришла в ужас. Заходяшь в дом — большая русская печка, на ней сидят дети в холщовых одежонках, увидев меня, спрыгивают с печи, надевают пимыне обрезки, залатанные, чуть повыше шиколоток, одежды теплой нет. На табуретке стоит деревянное ведро, около него жестяная консервная банка или что-нибудь вроде этого, на полках кое-какая посуда, на деревянных полках — лохмотья постели, изнуренные женщины, которые с большой радостью послали бы своих детей в школу, но, увы, не во что одеть, обуть.

Проработали мы в Шиняеве дней пятнадцать, когда наш старшой сказал, что звонили из РОНО и приказали нам прибыть туда к 12 часам дня. Утром назначенного дня нам представили лошадь, и мы отправились, но как ни торопились, опоздали (от Шиняева до Зырянки около 40 километров). В РОНО моей подруге сказали, что звонили из Асиновской школе и сообщили о том, что в Асино на вокзале сидит ее мать с четырехлетней внучкой, добирается к дочери на постоянное местожительство. Подруга поспешила на этой же лошадке в Асино, у нее нашлись попутчики, а я пошла в районный клуб, куда были собраны учителя. Зашла, выслушала все наставления, а по окончании пошла к пункту Загэтзерно и оттуда с пересадками ночью вернулась домой. А утром выяснилось, что шиняевские жители, видевшие мою подругу на пути в Асино, сообщили нашему старшому о нашем побеге и угоне лошади. Старшой принялся звонить во все колхоза и в первую очередь в РОНО. Машина закрутилась, сработал указ, по которому за опоздание на 21 минуту по-

лагалось вычитать из зарплаты 25% в течение 4-6 месяцев. Начальнички из РОНО Лукьянчиков и Поданев трясутся от страха и подают в суд, так был просто привлечен к ответственности неопытную, безмозглую девчонку, которая не зарегистрировала в журнале свое прибытие в Зырянку на этот заседательский зуд. А кто мне сказал, как нужно делать? Стажа=то работы у меня было каких=то две недели.

Приехала в Зырянку с повесткой в суд, зашла в РОНО, стала с Поданевым объясняться, рассказывать, с чем в клубе говорилось, кто выступал, с кем из учителей ехала вместе то ли до Громышовки, то ли до Михайловки. Отвечает: "Ничего не знаю, ничего не знаю". Пришла в суд, там был только один мужичок лет пятидесяти, лысый. Он начал мило улыбаться, шутил=шутил как заправский кавалер, а потом грозно рыкнул: "Встать!" И далее "именем... 6 месяцев... 25%", как я ни доказывала, что не прогуливала, ничего не помогло. А в голове сидела сцена суда из "Воскресенья" Льва Толстого - сколько там было присяжных, адвокат... А здесь никого, кроме этого лысого.

Так что и я имею судимость, разве можно было отстать от "моды"!

Началась война. Мужчин=спецпереселенцев призывных возрастов раньше в армию не брали, "кулаки" с оружием в руках были опасны. Но в период войны вспомнили и об этом резерве, и всех "прощеных" необученными послали в составе сибирских полков на фронт. Вряд ли они под Москвой или Сталинградом думали о вожде. Думали они о Родине, как во все прошлые времена, во все прошлые войны. Смешно читать сейчас высказывания некоторых историков о прошлом, с какой=то верой в "вождя". О том, что русский Иван совсем дурак, не мог разобратся, что к чему,

не мог понять, за какие грехи взяли соседа, куда он исчез, и почему семья его сталавилась как бы прокаженной - ни работы, ни учебы...

В войну работала я на заводе в Томске, потом все же закончила техникум Комитета заготовок, заведовала лабораторией в Омской области... Моя прошлая жизнь, "кулачество" мое, отразилось на будущей. Всю жизнь избегала я общения - как бы кто чего не спросил...

Недавно в газете "Красное знамя" была опубликована фотография политссыльных революционеров в Молчановском районе. И невольно думаешь: "Недурно им тут жилось. Упитанные, ввольных позах, собирались такими группами, фотографировались, у местного населения покупали сельму, икру, балыки, молочко. Бегали туда-сюда, как, например, наш сверхгений, который пробыл в ссылке у нас 39 дней, за что ему, как величайшему страдальцу за народ и открыли музей в Нарыме. За эти 39 дней Сталин с лихвой отплатил народу-кормильцу, цвету русского крестьянства, после разорения которого начался мор и голод. Ни тогда, когда я была маленькой, ни после, когда стала старше, в душе моей ни на одно мгновенье не было сомнения или упрека моим родителям. Разве можно забыть все, что выпало на нашу долю! Забыть, как вынужден был ходить с сумой, побираться мой гордый, красивый отец, русский крестьянин, хозяин, кормивший своим трудом десятки людей. До самого последнего вздоха не забуду этот издев над моим отцом и всеми русскими людьми, и проклятье всем бывшим и живущим, кто защищает тот режим!

И по-прежнему остается без ответа изве^нный русски^й вопро^с
~~за что?~~ *что происходит? кто виноват? что делать?*